

и приделся на новый лад, а Пушкин — в бороде и армяке. Читая Спящую Царевну, нельзя забыть, что ее *читаешь*. Читая же сказку Пушкина, кажется, будто *слушаешь* рассказ ее, по русскому обычаю, для того, чтоб сон нашел» [10, с. 79—80]. Языков полностью солидарен со своим корреспондентом: «Сказка Пушкина... не в пример хуже всего, что писано в сем роде Жуковским» [10, с. 76]. Барон Розен, напротив, находил в пушкинской сказке «свободу и прелесть стиха», «счастливый дар применяться к вымыслу, поверьям и быту наших рассказов», приводя в пример здесь же «Руслана и Людмилу» [11].

Справедливо полагает новейшая исследовательница: «Причина общего недовольства сочинениями „сказочников“ той эпохи, в основном, таилась в неумении открыть авторское начало в „подражании“ народной сказке. И наоборот, сочувственные отзывы на такие произведения выделяли в качестве их главного достоинства отличие литературной сказки от фольклорной» [12, с. 140—141].

Итак, вполне очевидно, что связь между эстетикой Пушкина-сказочника и переводом «Фортуната» существует. А потому есть и все основания связывать похвалу Пушкина Шишкову именно с публикацией «Сказки о царе Салтане...» — в свете полемики, развернувшейся вокруг нее. Отсюда следует и вполне правдоподобное допущение: со своей стороны, Шишков также мог ответить Пушкину похвалой на похвалу, одобрительно отнестись к его «Сказке о царе Салтане...». Однако прямые свидетельства такого рода нам неизвестны. Зато известно другое. В числе хулителей пушкинской сказки неожиданно оказались те критики, чья теоретическая программа совпадала с позицией Пушкина и Шишкова. Мы имеем в виду Надеждина, Баратынского, Комовского, которые также стремились увидеть в литературной сказке авторскую волю, но почему-то не находили ее в сказке Пушкина.

Становится понятно: одного сопоставления программных заявлений Шишкова и Пушкина мало для объяснения одобрительного отзыва Пушкина о переводе «Фортуната». Следует обратиться к стилю самого перевода и поискать в этой области дополнительные аргументы в пользу художественной общности Шишкова и Пушкина-сказочника.

Но была ли у самого Шишкова художественная установка на создание текста, близкого к жанру литературной сказки? Внимательный анализ предисловия показывает, что такая установка существовала. Оказывается, автор предисловия, обычно склонный к пунктуальности, совершает, как мы думаем, своеобразный «литературный подлог», объявляя источником «Фортуната» немецкую простонародную сказку «Fortunatus Wünschelhütchen» («Волшебная шапка Фортуната»).

Такой сказки обнаружить не удалось. О ней умалчивает авторитетная немецкая «Энциклопедия сказки» [13]. Не знает ее и Х. Гюнтер — автор специального исследования об источниках народной книги [14]. Гюнтер фиксирует наличие сказочных мотивов, перекликающихся с различными группами немецких народных сказок из собрания братьев Grimm. Не более. По-видимому, Шишков выдумывает не только жанр, но и название.

Анализ перевода Шишкова убеждает в том, что рождение нового жанра, связанное в русской литературе с именем Пушкина, означало и рождение нового стиля. Шишков интуитивно пока еще улавливает тенденцию, которая найдет свое осознанное и целенаправленное выражение в сказках Пушкина 1830-х годов. В них элементы фольклорной поэтики и стиля поэт заставил «работать» в иной литературно-эстетической системе, распространив на них норму авторского художественного мышления. Пушкин преобразует фольклорно-сказочную поэтику с той целью, чтобы, как это ни парадоксально звучит, снова возвратить ей собственную суть, но уже в современной, европеизированной форме. К тому же художественному принципу тяготеет и автор русского «Фортуната».